

АНДРЕЙ ЧВАЛЮК

**СИГНАЛЫ
УТОНУВШЕГО
МАЯКА**

Андрей Николаевич Чвалюк
Сигналы утонувшего маяка
Серия «Хроники забытых
колоний», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Первые четыре десятка лет колония на планете Штиль развивалась по установленному плану, но, как впоследствии оказалось, ни ученые специалисты прародины, ни суперкомпьютеры не смогли полностью просчитать такую переменную, как человеческий фактор. И когда часть населения хочет влиться в галактическое сообщество, а другая изолировать планету от остального человечества – войны не избежать. Смогут ли цепочка случайных событий прекратить кровопролитие или наоборот приведет к взаимному истреблению – покажет время. Если оно у них будет.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	21
Глава третья	30
Глава четвертая	39
Глава пятая	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Андрей Чвалюк

Сигналы утонувшего маяка

Редактор: Д. Потупанов

Художник: Д. Челноков

Корректор: Н. Носова

Глава первая

Дети войны

Здание театра было заполнено под завязку. Несмотря на все ужасы раскола, тяжелые годы восстановления и кровопролитные сражения первых лет войны, грамотная демографическая политика правительства привела к тому, что население колонии неуклонно приближалось к его первоначальному количеству.

Иван разместился на балконе и с этой высоты наблюдал, как старшекласники, которых собрали со всего атолла, ерзают в предвкушении начала мероприятия. История колонизации со всеми ее подробностями входила в обязательную школьную программу, и ее первые четыре десятилетия были детально изложены в старых учебниках, подкреплены множеством голофильмов и материальных носителей информации. Но сегодня перед учащимися выступит представитель первого поколения колонистов, один из самых старейших жителей Кольца и очевидец событий, которые случились после раскола.

Парень вспомнил день, когда сам, будучи школьником, услышал этот рассказ, и по его телу непроизвольно пробежали мурашки. Богатое детское воображение тогда ярко рисовало картины ужасов, озвученных лектором, и с годами эти

краски ничуть не потускнели. В кругу семьи тема темных лет никогда не поднималась и маленький Ваня, до той самой лекции, даже не догадывался, что пришлось пережить патриарху его рода. Соответственно, по приходу домой дедушка Женя был подвергнут детальному расспросу. Но на некоторые вопросы старик тогда не ответил, сославшись на юный возраст внука, дав обещание вернуться к ним позже. Однако это позже до сих пор не наступило. И вот теперь, едва сойдя на берег после окончания карантина, оператор ПКРК¹ увидел расклеенные в военном порту афиши и вспомнил об оставшихся без ответа вопросах.

Старенький, как и всё вокруг, автобус быстро довез Ивана до центра города. Закинув домой сумку, парень, не став переодеваться в гражданскую одежду, поспешил к театру. Здание театра тоже знавало лучшие времена. Штукатурка выцвела и местами облезла, обнажив бетонную основу. Статуи перед входом давно требовали реставрации, но с тех пор, как главенствующее положение в правительстве заняли милитаристы, финансирование культурных учреждений серьезно урезали. Новых пьес больше не ставили. Кино приобрело сильный пропагандистский характер, направленный на разжигание ненависти к врагу и повышению производительности труда работников тыла. Будучи военным, Иван не мог не согласиться с такой политикой. За три года службы на корабле он на своем личном опыте увидел, как интенсивно

¹ ПКРК – противокорабельный ракетный комплекс.

стала развиваться военная промышленность после полного перехода на военные рельсы. Частичная автоматизация способствовала уменьшению экипажей военных кораблей и облегчению службы матросов. Боевые вахты стали длиннее, но зато и время между ними, которое команда проводила на берегу, тоже увеличилось, что не могло не радовать молодого неженатого парня. Однако разнообразие развлечений во время этих увольнительных серьезно пострадало. После месяца морской вахты и недели карантина в порту молодой организм жаждал веселого времяпровождения, но возможностей для этого с каждым разом становилось все меньше и меньше.

Иван быстрым шагом зашел в фойе театра и вставил личную карточку в прорезь идентификатора. Дождавшись разрешительного сигнала аппарата и ответив на кивок вахтера, он поспешил на лестницу, ведущую на балкон. Заняв одно из последних оставшихся свободными кресел, моряк снял парадную фуражку и, пригладив рукой волосы, приготовился окунуться в прошлое. Прозвучал звонок, и свет начал медленно гаснуть. Зажглись софиты, и в освещенный ими круг сцены, посреди которого располагался стул, медленно шагнул высокий седой старик. На душе у Ивана потеплело. Несмотря на то, что он не видел деда всего полтора месяца, он уже успел соскучиться.

Евгений Кузнецов был ценным специалистом для колонии. Будучи одним из первых людей, которые ступили на

планету Штиль, он прошел полное мнемографирование², и в его голове, как в компьютере, содержались все знания необходимые колонистам для выживания и постройки высокоиндустриального общества. И, несмотря на то, что эти знания носили сугубо теоретический характер, а навыки нужно было еще наработать, у Евгения Кузнецова было достаточно времени, чтобы освоить множество профессий так необходимых для жизни на чужой планете.

Четыре дня в неделю дедушка Женя жил и работал на Вулкане, огромной скале, расположенной в центре кораллового острова, где числился главным инженером сразу на нескольких производственных предприятиях. Еще два дня он преподавал в академии, и только воскресенье проводил дома с семьей. Обычно, за время своих краткосрочных увольнительных на берег, Иван виделся с дедом всего два-три раза. Поэтому с удовольствием приготовился слушать его традиционную лекцию для выпускников школ. Старик на сцене занял выделенный ему стул, откашлялся и сильным не по возрасту голосом начал свой рассказ.

– Здравствуйте, дети! Меня зовут Евгений Кузнецов. Сегодня я проведу для вас небольшой экскурс в историю планеты, ставшей для всех нас домом. Как Вы уже знаете, планета Глизе 1214 b, названная впоследствии Штиль, из-за отсутствия таких явлений, как высокие приливы, штормы и

² Более подробно технология мнемографирования описана в рассказе «Преодолеть табу».

прочие сильные океанические волнения, полностью покрыта водой. Единичными проявлениями суши выступают древние вулканы и образующиеся вокруг них коралловые атоллы. На один из таких атоллов почти сто лет тому назад и приземлились колониальные модули. Началось терраформирование, основными задачами которого было понижение температуры воздуха и уровня мирового океана. Местные формы жизни, которые находились в позднем палеозое, только начали выбираться на сушу. Спровоцированное терраформированием резкое падение температуры и осушение мелководья многократно ускорило этот процесс. Мы помогли планете быстрее перейти на следующий геологический период, а она в ответ щедро поделилась с нами полезными ископаемыми. Были обнаружены выходы полиметаллических руд, разведаны большие запасы нефти и природного газа. Колония быстро вышла на индустриальный уровень и приступила к выполнению своей основной задачи – постройке и выводу на орбиту гипермаяка, который должен был соединить все людские колонии в единое сообщество. Гипертрассы уменьшают время перелета между различными звездными системами с десятков лет до десятков часов и открывают широкие возможности для межзвездной торговли, информационного обмена и туризма, но случилось непредвиденное.

В колониальной администрации собралась группа людей, объединенных общими опасениями касательно утраты независимости нашей колонией. Ганс Леманн и его единомыш-

ленники на примере исторических фактов пытались доказать окружающим, что преобладающей целью колонизации новых земель всегда выступала корыстная составляющая. И что впоследствии колонии становились сырьевыми придатками метрополий и были вынуждены с оружием в руках отстаивать свою независимость. Поэтому, чтобы не повторить их судьбу, чиновник предлагал свернуть проект запуска гипермаяка и придерживаться политики изоляции планеты.

Сначала они были в меньшинстве, но, как вредоносная плесень, их идея стала распространяться по всем вертикалям власти, заражая умы людей. Все больше чиновников начинали верить в то, что после запуска гипермаяка из портала вывалится космический флот, земляне заместят собой все руководящие должности и навяжут собственную программу развития и жизни колонии, лишив местных жителей права на самоопределение.

Старик потупил взгляд и замолчал, но вскоре снова заговорил. Его и без того сильный голос, усиленный акустикой зала, прогремел под сводами.

– Конечно, все их опасения не имели под собой почвы. Уровень социально-культурного развития на планете Земля на момент отправки Корабля-колонизатора был настолько высок, что подобные захватнические настроения просто не могли возникнуть. Единое планетарное правительство, сбалансированная экономика, высокоразвитая техносфера, отсутствие войн, религиозных и расовых конфликтов – опасе-

ния изолятов на этом фоне были просто абсурдными. Однако колониальная администрация раскололась на два лагеря. Идеологические противники никак не могли договориться между собой: одни требовали изолировать планету, другие, наоборот, – бросить все силы и ресурсы на скорейшую интеграцию в галактическое сообщество. Их противоречивые курсы привели к стагнации, и тогда на помощь пришел искусственный интеллект.

Один из андроидов³, прибывший на планету вместе с будущими колонистами и отвечающий за социальную организацию молодого общества, в последние годы был молчаливым наблюдателем, но деструктивные тенденции в колониальной администрации вынудили его вмешаться. Социальный инженер посоветовал противоборствующим сторонам вынести вопрос космополитизации планеты Штиль на всеобщий референдум, по результатам которого предлагалось принять окончательное решение. Уставшие от беспочвенных споров изоляты и интегренты с радостью ухватились за эту идею и начали публичную пропаганду своих программ.

Прошедший вскоре референдум показал, что абсолютное большинство населения колонии твердо поддерживают план интеграции в галактическое сообщество. Изоляты объявили о роспуске своей партии и приобщились к работе по реализации интеграционного плана. Так все думали.

Старик горестно вздохнул.

³ Более подробно роль андроидов описана в рассказе «Преодолеть табу».

– Но на самом деле Леманн и его приспешники не отринули своих взглядов. Изоляты ушли в подполье, создали глубоко законспирированную тайную организацию и начали подготовку к событиям, последствия которых мы ощущаем до сих пор. Через несколько месяцев, когда большая часть населения колонии собралась на центральной площади и ожидала праздничного салюта в честь тридцатилетней годовщины высадки на планету, по всей территории атолла прокатилась череда взрывов. За несколько минут колония лишилась металлургического комбината, нефтеперерабатывающего завода, электростанции, опреснительной станции и большей части водопровода. Остров погрузился в темноту, разбавленную заревом частых пожаров.

Предшествующий этому столб пламени, вырвавшийся из вершины скалы, стоящей в центре атолла, навел остальных жителей на мысль о начавшемся извержении вулкана. Население в панике попряталось, а изоляты воспользовались всеобщей сумятицей и неразберихой. Под покровом темноты они демонтировали с важных производственных линий главные управляющие процессоры, разрушили ключевые механизмы систем автоматической сборки, собрали и вывезли неприкосновенный запас продовольствия, запасных частей и ценного сырья. Заговорщики сумели увести практически весь флот, включая единственный танкер, а оставшиеся суда затопили прямо в гавани. На гигантскую баржу они погрузили герметичный модуль генетического банка вместе с обслу-

живающим персоналом, который нес вахту.

С наступлением рассвета самые смелые поселенцы начали покидать убежища, и им открылась поистине мрачная картина. Нефтеперерабатывающий комплекс все еще горел, выбрасывая в небо удушливые клубы дыма, периодически застилающие солнце. От гари щипало глаза и першило в горле, смочить которое было нечем, так как разрушенный водопровод больше не поставлял пресную воду. Повсюду бродили растерянные, перепачканные сажей люди. Радужные разводы пролитого топлива растеклись по всей гавани. Местами из воды торчали мачты и надстройки затопленных судов. Информационная сеть не давала отклика, не было электричества, и никто не знал, что все-таки произошло.

Пожары потухли сами, мертвые тела удалось собрать и кремировать до того, как началась эпидемия, однако, как жить дальше было неясно. Руководители колониальной администрации или погибли, или пропали без вести. Катастрофически не хватало питьевой воды, продовольствия и медикаментов. Тяжелые условия пробудили в людях низменные инстинкты: начались драки за предметы первой необходимости. Тогда власть в свои руки взяли представители служб безопасности производственных предприятий острова. Они объединились и, вооружившись иглопистолетами, которые хранились в музее колонизации, организовали сбор и распределение пищи и воды среди выживших.

Позднее, вышедший на связь персонал космодрома, рас-

положенного в кратере вулкана, рассказал, что никакого извержения не было. Виденный всеми столб огня был следствием взрыва заправленной и уже готовой к старту ракеты. Через четыре дня на Кольцо прибыл катер с одной из нефтепромысловых платформ. Обеспокоенные отсутствием связи с островом нефтяники приплыли разузнать причину радиомолчания и остались помогать восстанавливать инфраструктуру. Позже к ним присоединились технические специалисты космодрома и оставшиеся в живых ученые. С тех пор начались темные годы.

Наладить массовое производство синтетической пищи так и не удалось, но океан был богат рыбой и съедобными водорослями, поэтому после того, как подняли часть затопленных судов, колония полностью перешла на дары моря. Опреснительную установку и водопровод починили. Удалось собрать кустарную нефтеперегонку. Один из сухогрузов переоборудовали в танкер, и теперь он регулярно курсировал между атоллом и нефтепромысловыми платформами. Жизнь потихоньку налаживалась. Несмотря на то, что индустриальный уровень колонии был отброшен на десятилетия назад, и быстро поднять его до прежних величин не было никакой возможности, уже через четыре года рождаемость превысила смертность. Но затишье длилось недолго.

Странности начали замечать практически сразу. Рыбаки, выходявшие на промысел, часто сообщали о виденных на горизонте чужих судах. Точнее, очертания плавсредств были

знакомые, и даже иногда удавалось разглядеть их названия, полностью совпадающие с названиями судов, пропавших во время катастрофы. Но на контакт эти суда не шли, на запросы по радию не отвечали, а при попытках сблизиться меняли курс и на максимальной скорости уходили от преследования. Со временем эти суда стали все чаще попадаться на глаза и все смелее себя вести. Когда одно из них бросило якорь прямо напротив выхода из гавани и провело на рейде весь день, новая колониальная администрация приняла решение любыми путями выяснить правду о таинственных гостях.

Под покровом ночи группа смельчаков на надувных весельных лодках подплыла к стоящему на якоре судну и забралась на борт. Нейтрализовав часовых при помощи транквилизаторных игл, спецгруппа взяла в плен спящую команду. Вот тогда и прояснились события четырехлетней давности. Коварный план Ганса Леманна состоял в том, чтобы полностью разрушить коммунальную инфраструктуру колонии, лишить ее запасов и технических возможностей для восстановления. А когда измученное голодом и болезнями население вымрет – вернуться и, используя демонтированные узлы и агрегаты, снова восстановить изначальный уровень технического развития. Но уже для себя и своих прихвостней.

– Леманн выделил нам всего четыре года, – старик повысил голос, – однако мы еще живы.

Зал взорвался восторженными криками и аплодисментами.

– Дальнейшее развитие событий вы знаете. Когда изоляты поняли, что их план провалился, они начали захватывать наши рыболовецкие суда, убивать их команды. Устраивать диверсии на водорослевых фермах и всячески вредить жителям Кольца. В ответ мы были вынуждены создать армию, изготовить оружие и охранять свое побережье и прилегающие воды. Но и враги не сидели без дела. С каждым годом гонка вооружений все усиливалась. Ни дня не проходило без стычки, постоянно гибли люди. Нас спасало лишь то, что изоляты изначально были в количественном меньшинстве. Жители Кольца не имели военного опыта, но они защищали родную землю и готовы были ради ее благополучия и спокойной жизни своих жен и детей на любые подвиги.

С тех пор прошло тридцать лет. Тридцать лет непрерывающейся войны, смертей и лишений. Но нас с каждым днем становится все больше, наша армия и военно-морской флот как никогда сильны и боеспособны. Уже давно ни один военный корабль изолятов не рискует приближаться к нашим берегам, но до полной победы еще далеко.

Голос старика снова взметнулся к самому полотку.

– Мое поколение помнит мирное время, но вряд ли застанет его снова, однако все шансы на это есть у вас. Вы можете стать последними детьми войны и первыми свидетелями начала новой эпохи – эпохи межзвездной интеграции.

Зал снова потонул в шуме оваций.

Когда лекция закончилась, школьники организованными

группами покинули здание театра. Иван вышел вместе с ними и, опершись о колонну, стал ждать дедушку. Когда его высокая долговязая фигура показалась в дверном проеме, Иван оторвался от архитектурного элемента и шагнул навстречу.

– Внучек, – Евгений Кузнецов расплылся в улыбке, сделал два быстрых шага и обнял Ивана.

Длины его рук едва хватило, чтобы обхватить широкие плечи внука. И если ростом они были похожи, то геометрией тела Иван явно пошел в отца. Дедушка отстранился, продолжая держать руки на плечах Ивана, и оглядел его заботливым взглядом. Форма как всегда идеально выглажена, но даже если бы она была помятой, то сама бы расправилась на мускулистом теле парня. Начищенная пряжка ремня сверкает на солнце, и таким же огнем горят глаза старшего матроса.

«Красавец! И куда только девушки смотрят...»

– Подруге уже сообщил о своем прибытии? – задал вопрос Евгений.

– Да, – ответил Иван, – позвонил ей перед выходом из карантина, но сначала хочу поведать Тиреса.

– Ох, не доведет тебя до добра дружба с этим шалопаем, – закачал головой дедушка Женя.

– Деда, ну перестань. Каждый раз одно и то же.

– Ты мой единственный внук, и я переживаю, чтобы ты не связался с плохими ребятами.

– Плохие ребята живут на острове Гремучий, и для того чтобы они держались от меня подальше, в моем ведении есть

четыре ракеты класса «Гарпун», – отшутился Иван. – А Тирес, просто рос без родителей, и некому было привить ему правильное воспитание. Поэтому я по мере сил компенсирую этот пробел. У тебя, кстати, есть свободная минутка?

– Для внука у меня есть целый свободный час, – улыбнулся Евгений Кузнецов.

Они спустились со ступеней театра и заняли одну из скамеек на площади Первого шага, которую уже начали украшать к празднику.

– Как дела на службе? – поинтересовался у Ивана дедушка.

– Да все спокойно. То танкер сопровождаем, то охраняем рыболовные траулеры. Медалей за такое не дают, но зато и терять боевых товарищей не приходится. А как твоя работа? Удалось нарезать крупный калибр?

– Удалось. Один экземпляр уже готов и ждет выводов правительственной комиссии.

– Далеко будет стрелять?

– По расчетам выходит минимум тридцать два километра, посмотрим, как пройдут испытания.

– Неплохо. Однако сколько таких орудий установят на линкор – максимум четыре-шесть? Все равно это капля в море.

– Ваня, – покачал головой дедушка, – ты недооцениваешь роль капель. В девятнадцатом веке на матушке-Земле жил поэт, если перевести его произведение на лингв, оно зазвучит

чит так.

Евгений Кузнецов устремил взгляд вдаль и начал декламировать.

Законов природы немало,
Один привести готов:
Чтоб море не высыхало,
Капли нужны с облаков.
Однако в погоду ненастную,
Когда волны морщат гладь,
Лишняя капля несчастная
Способна потоп вызывать⁴.

– Что такое «потоп»? – задал вопрос Иван.

– Потоп – это когда вода в водоеме поднимается настолько, что заливает прибрежные земли, нанося вред промышленности и сельскому хозяйству. Вот и в случае с новой крупнокалиберной артиллерией – пусть ее немного, но она может стать тем фактором, который перевесит чашу весов в нашу пользу, и многолетнее противостояние закончится победой.

– Верится с трудом, – скептически хмыкнул Иван.

– Человек всегда надеется на лучшее. Я, например, надеюсь, что правительство делает ставку не только на дальнюю артиллерию. И общение с коллегами подтверждает

⁴ Стихотворение В. Симоненко «Крапля в море». Перевод на русский язык – А. Чвалюк.

мои догадки. В любом случае какой-то из новых проектов сработает и вызовет эффект лавины.

– Лавины? – переспросил Иван, услышав еще одно незнакомое слово.

И Евгению пришлось объяснять никогда не видевшему снега внуку принцип лавинообразного эффекта.

Они еще немного поговорили о колониальной политике и разошлись по своим делам. Но мысль о том, что даже одна капля может сыграть большую роль, крепко укоренилась в сознании молодого моряка.

Глава вторая

Хромой друг

Тирес жил за городом. Небольшой домик, собранный из стандартных металлопластиковых конструкций еще на заре колонизации, имел типовую планировку и был рассчитан на проживание семьи из четырех человек, но сейчас в нем было всего два жильца.

Иван отворил скрипучую калитку, пересек заброшенный палисадник, в котором занимались выживанием (по-другому и не скажешь) несколько чахлах цветочных кустов, и зашел в дом. Прихожая встретила его пылью и запустением. Сплетённая из водорослей циновка на полу вся истрепалась и частично скрылась под слоем песка. В углах валялись пустые банки из-под напитков и упаковки от сублимированной еды. Ничто не наводило на мысль о том, что здесь кто-то живет. Но Иван навел справки в конторе нефтедобывающей компании и узнал, что вахта Тиреса закончилась несколько дней тому назад, а значит он, скорее всего, находится дома.

Парень отворил дверь в ближайшую комнату – никого. Вернулся в коридор, толкнул следующую дверь и тут же поморщился. В нос сразу ударил резкий неприятный запах. Поиски товарища можно было считать оконченными.

В помещении царила полнейшая темнота. Иван щелкнул

выключателем, и когда белый свет озарил комнату, увидел, как сидящее на столе крупное насекомое подняло голову и растопырило острые жвала. Это было единственное движение в комнате, потому что лежащее на кровати тело человека не подавало признаков жизни.

Иван горестно покачал головой. Шагнув к дальней стене, он поднял поляризационные шторы и открыл окно, впуская в комнату свежий морской воздух. Запах сожженных грязных носков стал понемногу выветриваться. Иван наклонился над кроватью и потряс товарища за плечо. Первые попытки привести его в чувство провалились, пришлось усилить воздействие. Наконец на черном лице открылись глаза. Они мазнули невидящим взором по потолку и с трудом сфокусировались на Иване.

– Бро! – прохрипело лежащее на кровати тело и приподнялось на локтях.

Тирес хотел еще что-то сказать, но закашлялся и судорожно потянулся рукой к стоящей на столе бутылке с водой. Утолив жажду, он испустил блаженный выдох и принял сидячее положение. Его нога при этом задела валяющуюся на полу стеклянную колбу с конусообразным утолщением на конце, в которой была впаяна трубка. Иван проводил взглядом звякнувший предмет и укоризненно взглянул на товарища.

– Опять куришь эту дрянь? – строгим тоном спросил Иван.

– Без дури жизнь на этой планете была бы совсем дерьмо-

вая, – философским тоном произнес Тирес.

– Знаешь места получше?

– Ходят слухи, что на матушке-Земле неплохо живется.

– Я тоже такое слышал, но чтобы туда попасть, нужно сначала победить изолятов и вывести в космос гипермаяк.

– Так много дел, – Тирес закачал головой, отчего его длинные спутанные в неопрятные колтуны волосы застучали по тощим плечам. – Пожалуй, подожду прилета гостей здесь. – И он снова улегся в кровать, закинул ногу за ногу и, покачивая ей в такт, стал насвистывать какую-то веселую мелодию.

– Тир, ты серьезно планируешь весь отпуск лежать в кровати и курить буфотерию? – спросил Иван.

– А почему бы и нет, Бро! У меня работа нервная, имею право немного расслабиться. Ты знаешь, сколько раз за последний месяц изоляты напали на платформу?

– Пять?

– Семь! А ты знаешь, как мне тяжело бегать вверх-вниз по лестницам! Только вернешься, приступишь к работе, и снова эвакуация. Почти две сотни ступеней вниз, прыжок в катер и романтическая морская прогулка в веере брызг, а через четыре часа в обратный путь, выгрузка и подъем на пятьдесят восемь метров по арматурным ступеням. Иногда, услышав сигнал тревоги, хочется забиться в какую-нибудь щель и просто переждать этот кошмар. Но нельзя, нельзя...

Тирес снова занял сидячее положение, его руки, лежащие на коленях, слегка подрагивали. Иван присел рядом с ним и

приобнял за плечи.

– Нефть – это кровь нашей колонии, – напомнил он товарищу. – Почти вся продукция предприятий военно-промышленного комплекса или непосредственно изготавливается из нефти, или использует производные ее переработки. И чем больше становится военный флот, тем больше ее требуется. Я помню времена, когда наш корабль сопровождал танкер к платформе и обратно не чаще раза в месяц. Тогда и нападения изолятов на платформу случались пару раз в год. Но сейчас танкер курсирует безостановочно и вывозит практически все, что удастся добыть. Изолятам остаются крохи, да и те приходится подгрести регулярно, иначе можно не успеть. Вот они и звереют.

Тирес вцепился своими длинными пальцами в руку Ивана.

– Я видел прогноз, составленный капитаном, – зашептал он, – и своими глазами регулярно вижу плачевное состояние оборудования. Износ ключевых узлов достиг критического уровня. Объемы добычи упали и будут дальше уменьшаться. Я боюсь, что однажды, не обнаружив в баках нефти, изоляты просто взорвут наше плавучее нефтехранилище, как сделали с западной установкой.

– Вот это вряд ли, – заверил Иван товарища. – Своих нефтепромыслов у изолятов нет, а флот будет побольше нашего. Так что пока черная кровь будет хоть немного капать, мы будем продолжать ее делить между собой.

– А когда насосы окончательно сдохнут – пересядете на весла, как в старых фильмах? – криво усмехнулся Тирес.

– Надеюсь, к тому времени война закончится, и на заводах смогут изготовить новое оборудование. Так что без работы не останешься, – улыбнулся в ответ Иван.

Чтобы переключиться с болезненной темы, он спросил:

– Идешь сегодня на праздник?

– Что за праздник? – наморщил лоб Тирес.

– Ну, ты что, – воскликнул Иван, – семьдесят девятая годовщина высадки на планету.

– А, точно, – хлопнул себя ладонью по лбу Тирес, – я немного потерялся в датах.

– Все мозги прокурил, – не удержался от подколки Иван.

Тирес поднял вверх указательный палец.

– Святой Ксенер, да никогда не сядут его батарейки, лично исследовал психоактивные свойства буфотерия дистихус и не обнаружил вредных последствий от ее применения.

– И как же он по твоему мнению проводил исследования, – рассмеялся Иван, – накуривал лабораторных мышей?

– Не знаю, – смутился Тирес, – я брал информацию из ботанической энциклопедии. Вот отобьете у изолятов генетический банк, и сможешь лично спросить об этом у ксено-селекционера. Лучше расскажи, как там служат мои малыши, – и он покачал в воздухе искаленной ступней.

Во время первого же боевого рейда корабль, на котором находились только закончившие учебку Иван и Тирес, попал

в засаду изолятов и получил пробоину в кормовом отсеке. Взрыв снаряда спровоцировал пожар. Экипаж всеми силами боролся за живучесть. Даже часть орудийных расчётов перебросили на борьбу с огнем. В одну из таких команд и попал Иван. Сбивая языки пламени углекислотным огнетушителем, он первым заметил лежащее на палубном настиле машинного отделения тело. И пока остальные тушили пожар, Иван растаскивал стальные балки, которыми был частично присыпан Тирес. Все бы ничего, но оторвавшийся при взрыве рамный шпангоут⁵ при падении воткнулся в настил именно в том месте, где находилась стопа моряка, и отрубил ему все пальцы на левой ноге. Иван вытащил друга из задымленного отсека до того, как тот успел задохнуться или истечь кровью. Остальным мотористам повезло меньше.

Пожар смогли потушить. Поврежденный корабль остался на плаву и, дождавшись прихода помощи, был отбуксирован в порт. Тирес выздоровел, но быстро передвигаться уже не мог, и был демобилизован по состоянию здоровья. Ему предлагали канцелярскую должность в штабе флота, но он отказался и продолжил работать механиком, но уже в качестве гражданского специалиста. С тех пор прошло почти три года, но при каждой встрече с Иваном Тирес спрашивал, не находил ли тот его пальцев, или просил передать им привет, когда тот вернется на корабль. Иван понимал, что черный

⁵ Шпангоут – металлический поперечный элемент жесткости обшивки корпуса корабля служащий опорой для несущих продольных связей.

юмор над собственным увечьем помогает Тиресу удерживать психику в равновесии, и, как настоящий друг, всегда подыгрывал ему. Вот и сейчас не растерялся.

– Хорошо служат, мизинец отличился в недавнем бою и представлен к награде.

– Вот молодец, – радостно воскликнул Тирес, – весь в папку.

Чернокожий парень встал и хромяя начал обшаривать развешенную на стульях одежду. Сначала предмет гардероба рассматривался на вытянутых руках с разных сторон, потом обнюхивался и отбраковывался. После двух минут поиска механик нашел спортивный костюм, вид и запах которого удовлетворял его минимальным запросам. Он быстро облачился, натянул на ноги старые кеды и заявил, что готов к культурному мероприятию.

– Хотя нет, нужно сделать еще кое-что.

Тирес выбежал из комнаты и через мгновение вернулся, держа в кулаке пучок вялых листьев и соцветий. Иван в жесте отчаяния прикрыл ладонью глаза. Шанс выживания цветочных кустов возле дома стал совсем мизерным.

Принесенный гербарий Тирес бросил на прикроватный столик. Сидящая там полуметровая сороконожка осторожно приблизилась к подношению и, недолго думая, принялась за еду.

– Она ест земные растения? – удивленно воскликнул Иван.

– Она ест любую органику, – не без гордости ответил Тирес.

– Когда-нибудь она и тебя сожрет, – покачал головой Кузнецов.

– Нет, ты что! – возмутился Тирес. – Щелкунчик меня любит.

Он протянул руку и погладил членистоногое по блестящему коричневому панцирю. Реликтовая сороконожка оторвала голову от еды и громко щелкнула жвалами, не то подтверждая, не то опровергая слова своего хозяина.

Парни вышли в коридор. Тирес прикрыл дверь в комнату, потом подошел к циновке, лежащей возле порога, и, нагнувшись, начал отрывать от нее небольшие кусочки. Иван просто задохнулся от возмущения.

– Так просто, – наконец-то смог произнести он.

– Хочешь что-то спрятать – положи на самое видное место, – ответил Тирес.

Он набил карман спортивных штанов сухими водорослями, подмигнул Ивану и вышел из дома.

– А дверь ты не собираешься запирать? – крикнул Кузнецов вслед удаляющемуся товарищу.

– Не-а, – ответил Тирес, который уже хромал в сторону автобусной остановки, – может соседям что-нибудь понадобится.

Иван еще раз окинул взглядом свалку в прихожей, постарался вспомнить, что он видел внутри комнат такого, что мо-

жет понадобится другим людям, и, недоуменно пожав плечами, бросился догонять товарища.

Глава третья

Пир во время чумы

Во время поездки Иван пытался взывать к разуму Тиреса. Выдвигал аргументы о незаконности и наказуемости распространения наркотических веществ. Но тот только отмахивался, ссылаясь на свою глубокую бескорыстность, которая не позволяет ему принимать мирские блага в ответ на подаренную шепотку радости.

– Это не продажа, а угощение, а значит – перед законом я чист. И вообще, ты мне не мамочка, так что хватит читать морали.

Тирес набросил на голову капюшон и уставился в окно автобуса, показывая, что разговор окончен. Ивану не осталось ничего другого, как тоже сосредоточиться на разглядывании проплывающих за окном пейзажей.

Атолл, опоясывающий кольцом древний вулкан, так и назывался – Кольцо. Его ширина варьировалась от двух до двух с половиной километров, а в некоторых местах, где отступающий в процессе терраформирования океан обнажил пологое дно, пространство было еще шире. Сама же окружность протянулась без малого на 50 километров и еще на заре колонизации была поделена на сектора, между которыми курсировали автобусы. Примерно четверть всей территории

Кольца занимала промзона, которая раскинулась в северной части атолла. На ней располагался нефтеперерабатывающий комплекс, газгольдеры, склады топлива, работающая на мазуте электростанция и предприятия коммунальной инфраструктуры. Еще четверть территории, западнее промышленного сектора, было выделено под жилую застройку. В центре города преобладали стеклобетонные многоэтажные здания, административные сооружения и конторы колониальных предприятий, учреждения культуры и образования. На окраинах жилой зоны, вдоль идущей по всей окружности острова дороге, стояли небольшие частные домики. Несмотря на окружающие их пасторальные пейзажи, большинство строений пустовало. Страх перед морскими десантами изолетов еще не выветрился из памяти, поэтому люди старались держаться скученно и селились поближе к расположениям воинских частей и стационарным огневым точкам, охраняющим вход в гавань. Небольшое пространство занимали фермы, где выращивали земные растения и разводили животных. Поля были накрыты специальными мелкоячеистыми сетками, которые не только рассеивали яркий свет местного светила, но и хорошо пропускали атмосферные осадки. Однако урожаи были скудными. Бедные местные почвы и слишком жаркий климат не способствовали интенсивному земледелию, зато широко культивировались полезные водоросли. Практически вся внешняя часть мелководья острова была отдана под водорослевые фермы. Часть их урожая шла

в пищу людям и животным. Из них делали натуральные ткани, лекарства, удобрения. Некоторые виды использовались для получения йода и соды.

Совсем маленькое пространство, по сравнению с остальной территорией острова, было выделено ученым для исследования эндемической флоры и фауны. Огороженная территория парка занимала южную часть атолла. Эта территория практически не претерпела никаких изменений со времен первых поселенцев: пятиметровые хвощи и папоротники и снующие среди них огромные насекомые позволяли наглядно убедиться в верности классических, разработанных еще на Земле, эволюционных теорий. Правда, в последнее время многие исследовательские программы свернули, а реликтовый парк передали военному училищу. И теперь будущие морские пехотинцы отрабатывали там навыки выживания в дикой природе. С учетом того, что все боевые действия велись или в открытом море, или на палубах кораблей, логики в этом не усматривалось. Но командование училища, руководствуясь старинной поговоркой, что «незадействованный курсант – потенциальный преступник», старалось не давать скучать своим воспитанникам, периодически привлекая их на различные работы или тренировки.

Не успел Иван вспомнить училище, как на очередной остановке в салон автобуса зашел человек, который на всем протяжении обучения отравлял курсантам жизнь. Так им казалось в начале. Но после окончания училища его вклад в

формирование взрослой самостоятельной личности был пересмотрен и уважение к командиру роты существенно выросло.

Цепкий взгляд Константина Хозлова быстро навелся на парадную форму Ивана. Глаза старого полковника прищурились. Он опознал своих бывших подчиненных.

– Встать! Смирно! – внезапно рявкнул он.

Ноги Ивана и Тиреса среагировали на команду быстрее, чем мозг успел осознал ее абсурдность. Так и не завершив строевую стойку, парни снова опустились на сиденья автобуса.

– Здравия желаю, товарищ полковник, – поздоровался Иван.

– И тебе не хворать, – ответил Хозлов, и его щека непроизвольно задергалась: последствия старой контузии преследовали ротного уже не один десяток лет.

– Что вы прыгаете, как баобабы, – рассмеялся он, – забыли, что в общественном транспорте команда «Смирно» не подается.

– Товарищ полковник, баобабы не прыгают, это деревья. Вы опять все напутали, – сочувствующим тоном произнес Тирес.

– Тилисма, подойди-ка сюда, – ласково произнес Хозлов и поманил Тиреса пальцем.

Ладонь его второй руки при этом сжалась в кулак. Нрав старого военного был суров и в тех случаях, когда ему не

хватало слов, а это бывало часто, он не гнушался физическими методами воспитания курсантов.

– Я лучше тут посижу, – ответил Тирес и плотнее прижался плечом к оконному стеклу автобуса.

– Куда собрались? – спросил Хозлов у Ивана, моментально потеряв к обидчику интерес.

– На площадь. Погулять, поесть мороженого, салют посмотреть.

– Тебе на корабле салютов не хватает? – нахмурился ротный.

– Хватает, – грустно протянул Иван. – Но других развлечений все равно нет.

– Приходи ко мне в училище, я быстро развею твою скуку.

– Нет, спасибо. Я уж как-нибудь сам.

Автобус подъехал к нужной остановке, и празднично одетый народ начал неспешно покидать салон. Тирес попытался прошмыгнуть мимо полковника, но тот успел воткнуть кулак ему в бок.

– Ай! Зачем? – воскликнул парень, хватаясь за ушибленное место.

– В профилактических целях, – коротко ответил бывший командир.

Троица вышла на остановку, и Тирес предусмотрительно отошел в сторону. Солнце клонилось к закату, и дневная жара начала спадать. После душного салона автобуса было приятно просто стоять и дышать насыщенным солью воздухом.

Иван запрокинул голову. Хозлов тоже уставился на покрытое редкими облаками небо. Вся облачность сконцентрировалась над островом, тогда как над морем простиралась бесконечная синь, и в лучах заката невозможно было различить линию горизонта, разделяющую море и небо.

– Какое небо голубое... – вздохнул Хозлов.

– Для голубых оно всегда такое, – бросил Тирес и быстро захромал в сторону главной площади города.

– Ах, ты ж сучонок, – лицо полковника побагровело. Щечка опять задергалась в нервном тике. – Тилисма, два наряда вне очереди, – крикнул он вслед удаляющемуся парню.

– А вот и фиг! – донесся издалека радостный голос. – Я уже три года как дембельнулся.

Хозлов скрипнул зубами и развернулся к Ивану.

– Кузнецов, когда вернешься на корабль, доложишь командиру, что тебе объявили два наряда вне очереди.

– А мне-то за что, – возмутился Иван.

– За пособнические действия, приведшие к оскорблению боевого офицера.

– Ну, товарищ полковник...

– Я что сказал?

– Есть два наряда вне очереди, – смирившись, произнес Иван и, отдав честь, бросился догонять Тиреса, пока Хозлов не придумал ему новое, более суровое наказание.

Поравнявшись с другом, он отвесил ему звонкую затрепину. Прыжку, который при этом совершил тощий механик,

могли бы позавидовать многие легкоатлеты.

– А, это ты! – воскликнул Тирес, потирая затылок. – А я уже подумал, что это полковник решил меня догнать. Чего дерешься?

– Это я тебе еще мало врезал, – прошипел Иван, – вечно мне достается из-за твоих шуточек.

– Прости, Бро. Я же не со зла, – Тирес скорчил жалостливое выражение лица. – Мир? – он протянул руку.

– Ладо, живи, – Иван пожал протянутую руку, – пошли посмотрим, чем в этот раз нас решили порадовать организаторы праздника.

Организаторы расстарались на славу. Центр города был весь украшен яркими флажками и разноцветными фонариками. По всему периметру площади Первого шага расставили ларьки и палатки, предлагавшие горожанам немудреные развлечения и сладости. Запустили музыкальный фонтан (его включали только по большим праздникам), между струй которого сейчас бегала визжащая от восторга малышня. Все предвещало хорошее времяпровождение, однако, сделав круг, парни приуныли. Все аттракционы и угощения были рассчитаны исключительно для детей.

Тирес встретил каких-то своих знакомых и откололся, а Иван направился в сторону академии, на ступеньках которой он договорился встретиться с Яной. Проходя мимо ларька со сладостями, он заметил худенького мальчишку, лет шести-семи, который протягивал продавцу свою личную кар-

точку. Подойдя поближе, он услышал окончание разговора.

– Прости малыш, но ты уже выбрал свой лимит кредитов на сегодня.

Из глаз мальчугана брызнули слезы и покатались по измазаным ярким кремом щекам. Он отвернулся от продавца и начал засовывать карточку в нагрудный карман линялой рубашки. Иван разглядел цвет пластикового прямоугольника – фиолетовый. Такого же цвета была карточка Тиреса, когда он прибыл на призывной пункт военного училища. Мальчик был сиротой. Что было неудивительно, учитывая три десятилетия непрекращающейся войны. Раньше полных сирот было еще больше, но потом директивой правительства женщинам запретили нести службу на боевых кораблях и в подразделениях береговой охраны, и детские дома опустели. Но как видно не полностью. Иван и сам рос без отца. Корабль, на котором тот служил, подвергся воздействию химического оружия изолятов. Отравляющее вещество было тяжелее воздуха: выжила только та часть команды, которая находилась в надпалубных надстройках.

– Проклятая война, – подумал в сердцах Иван, – ребенок, мало того, что лишился родителей, так еще и не может получить на праздник лишнее пирожное. Он решительно шагнул к ларьку, доставая свою личную карточку.

– Спишите с моего счета, – тихо обратился он к продавцу, кивнув на ребенка.

– Вообще-то не положено, – попытался возразить прода-

вещ, но нахмуренные брови Ивана быстро его переубедили. Мужчина пробил покупку и протянул парню вафельный кораблик, трубы которого были наполнены ярким суфле таким образом, что казалось, что из них вырывается разноцветный дым.

Иван осторожно взял пирожное и, подойдя к сироте, протянул ему лакомство.

– Возьми, малыш, продавец ошибся, у тебя еще были на счету кредиты.

Мальчик быстро стрелял глазами то на протянутое угощение, то на рослого незнакомого моряка. Но соблазн был слишком велик, и он выхватил пирожное из руки Ивана и тут же откусил у кораблика всю корму.

Парень рассмеялся. Взлохматив сироте и без того спутанные на голове волосы, Иван развернулся и пошел в сторону академии. На душе было гадко.

Глава четвертая

Любовь и комары

Когда Иван увидел поднимающуюся по ступеням Яну, он уже успел немного успокоиться. Крепкая психика военного и то, что Яна в лучших традициях классики опоздала на 15 минут, вернули его в обычное эмоциональное состояние, но вид плачущего ребенка ярко отразился в памяти.

Яна вспорхнула на площадку и сразу же бросилась Ивану на шею. Они страстно поцеловались.

– Ты опять опоздала, – деланно обиделся он.

– Я тут ни при чем, – ответила девушка. – Была большая очередь на паромной станции: жители космогородка тоже ехали на праздник.

Старый вулкан, возвышавшийся в центре атолла, или как его называли в народе – «Скала», еще в первые десятилетия колонизации планеты был изрыт вдоль и поперек. Там и сейчас велась добыча редкоземельных металлов, потребность в которых заставляла шахтеров углубляться все дальше в недра планеты. Когда началась война, все военные производства и склады колониального резерва разместили в старых шахтных выработках. Это было не совсем удобно в производственном плане, зато идеально вписывалось в концепцию обеспечения безопасности. События раскола многому

научили выживших интегрантов. Теперь взорвать заводы и ограбить склады было невозможно.

С Яной Иван познакомился год назад, когда, вернувшись с очередного рейда, решил заскочить к дедушке на работу. Он как раз выходил из проходной завода, а она заходила, неся в руках охалку чертежных тубусов. Этот груз и не позволил им разминуться. Помогая собирать рассыпавшиеся по полу пластиковые цилиндры, Иван встретился с девушкой глазами и влюбился с первого взгляда. Яна тоже не скрывала свой интерес к высокому плечистому моряку и согласилась встретиться с ним после работы. Так и начались их отношения.

Яна получила в академии какую-то редкую специальность и теперь работала в Кратере в исследовательском комплексе на самой вершине Скалы. Ранее там располагался космодром и центр управления полетами, но после того, как во время раскола изоляты взорвали единственную ракету, космическую программу приостановили. Космос теперь был так же далек как Иванов дембель. Однако сам комплекс функционировал. Что там сейчас исследовали, никто из простых смертных не знал. Подъемник, который вел на вершину Скалы, охранялся вооруженными подразделениями службы безопасности колонии, и, не имея специального пропуска, к нему не стоило даже приближаться.

– Лучше скажи, как тебе мое новое платье?

Яна закружилась на каблуках, отчего тонкая шелковистая материя взметнулась вверх, переливаясь в свете фонариков.

Платье было и, правда, красивое. Оно плотно облагало фигуру девушки, подчеркивая все ее прелести.

– Шикарное, – закивал головой Иван. – Где взяла?

– Начальник подарил, в качестве премии за успешно завершенный проект.

– Опять этот начальник, – просипел Иван, – вот бы мне с ним поговорить наедине, глядишь, он и мне что-то подарит.

– Зайчик, ну перестань ревновать. Я люблю только тебя, а Дмитрий Павлович просто очень добрый. Я тебя с ним обязательно познакомлю, и ты увидишь, что все твои опасения беспочвенны, – зашебетала девушка. – Пошли лучше танцевать.

Солнце уже окончательно зашло. Партийные лидеры и глава колониальной администрации закончили произносить свои высокоидейные речи и освободили сцену для музыкантов. Иван взял девушку за руку, и они сбежали со ступеней на площадь, чтобы быть поближе к сцене. Где и столкнулись с Тиресом.

– Любимая, давно хотел тебя познакомить. Это Тирес, мой друг и бывший сослуживец. Тирес, это моя девушка, Яна.

Тирес видимо уже успел где-то догнаться. Даже при свете фонарей было видно, что склеры его глаз налились кровью, а зрачки расширились. Он кивнул немойтой головой и попытался щелкнуть каблуками, но кеды заскользили по плитке, которой была покрыта площадь Первого шага, и он чуть не

упал. Яна хихикнула. Тирес прекратил свою пантомиму и протянул ладонь для рукопожатия, но сегодня явно был не его день. С темного неба спикировал комар и уселся прямо на тощее запястье механика. Представитель местных птериготов⁶ отличался крупным размером, одно только его брюшко было с мизинец взрослого человека.

– Пардон мадам, – снова начал кривляться Тирес и, подняв другую руку, щелчком отправил комара во тьму. Но местный кровосос видать серьезно настроился сегодня отобедать. Не прошло и пары секунд, как он вернулся и, нарезав круг над головой Тиреса, снова уселся тому на запястье.

– Вот настырный, – возмутился бывший матрос и, прежде чем Иван успел его остановить, со всей силы шлепнул по комару ладонью. Во все стороны полетели склизкие внутренности, чудом не попав на новое платье Яны.

Растерянный Тирес с брезгливостью на лице рассматривал свои руки. Он уже собирался вытереть их об штаны, но вспомнил о том, что рядом с ним стоит девушка и, извинившись, побежал в сторону подземного перехода, где находился туалет.

Яна задыхалась от смеха. Ее щечки порозовели, из глаз лились слезы.

– А он забавный, – наконец смогла произнести она.

– Ага, – кивнул Иван, – повезло, что в этот раз от его забав пострадал только комар. Кстати, о комарах.

⁶ Птериготы – с лат. крылатые насекомые.

Парень достал из нарукавного кармана форменной куртки пластиковый тюбик, похожий на губную помаду, снял колпачок, подкрутил колесико и обработал репеллентом лоб, шею и кисти рук.

Яна сморщила носик:

– Опять мажешься этой вонючкой.

– Прости, солнце, по-другому нельзя.

Если бы в колонии существовал свой вариант книги рекордов Гиннеса, то Иван вошел бы в нее как единственный человек, для которого местные комары были смертельно опасны. Внезапно проявившаяся генетическая предрасположенность к аллергии обнаружилась у него во время тренировки на выживание, когда их учебный взвод забросили в местные джунгли. Куратор долго смеялся и отказывался верить, что один из курсантов потерял сознание после укуса комара. Поняв, что помощь не придет, Тирес выкинул рацию, автомат, боеприпасы и на своем тщедушном теле вытащил бьющегося в судорогах Ивана с территории полигона. Когда Тилисма вышел из карцера, куда угодил за утерю оружия, Кузнецов все еще находился в больнице. Со временем Иван поправился, но с тех пор больше не расставался с армейским репеллентом. И не расставался с Тиресом, с которым они стали настоящими друзьями.

Глава пятая

Полезное хобби

Тирес из туалета так и не вернулся. Зато музыканты как раз закончили настройку инструментов, и над площадью прокатилась ритмичная музыка, от которой ноги сами неслись в пляс. Первую половину ночи Иван и Яна насаждались музыкой и танцами, вторую половину – друг другом. Лишь когда за окном начало сереть, предвещая скорый рассвет, молодые люди расцепили объятия и уснули.

Иван проснулся в одиннадцать часов. Яна уже ушла, оставив на столе записку и след губной помады на его щеке. Парень сделал зарядку, принял душ, позавтракал и начал осмысливать полученную вчера информацию.

Семь нападений на нефтяную платформу за месяц. Это действительно много. Сейчас на стапелях верфи строится еще один военный корабль. Он будет гораздо крупнее и лучше вооружен, чем имеющиеся у колонистов сейчас. И уж тем более лучше тех ржавых лоханок, на которых плавают изоляты. Когда его спустят на воду, он сможет занять постоянный боевой пост возле плавучей установки для добычи, хранения и отгрузки нефти. И тогда изолятам придется или переходить на весла, как сказал вчера Тирес, или сдаваться. Вот только строительство идет очень медленно, не хватает

банальной стали, не говоря уже о высокотехнологичных деталях. Так что придется Тиресу и дальше бегать по лестницам. Вот бы найти способ помочь другу. Всего лишь нужно придумать, как отвадить изолятов от платформы хотя бы на время.

Дать им забрать побольше нефти – не вариант. Усиление врага не наш метод. Патрулирование на дальних подходах – тоже так себе идея. Уже пробовали. Потом еле уносили ноги. Изоляты – мастера прятаться среди островов и атаковать из засады. Остается точечное воздействие на самой платформе. Взвод спецназа? Да они устроят такую перестрелку, что все взлетит на воздух. Поджарятся вместе с врагами. Поджарятся... А почему бы и нет. Он достал блокнот и начал чертить схему устройства. Уже через час он был у Тиреса.

– Да ну, бред какой-то, – Тирес скептически рассматривал рисунок «Оружия возмездия». – А кто его включит?

– Ты. Когда будешь эвакуироваться.

– А провод с рубильником я за собой буду разматывать?

– Ну, можно придумать автоматическое включение. Часовой механизм, например, или вообще датчики движения, которые запустят устройство, когда группа захвата поднимется до середины лестницы.

– Датчики движения?! А ты еще говорил, что я клоун! Где ты их возьмешь? Служба безопасности еще тридцать лет тому назад изъяла всю подобную электронику для своих нужд.

– Попробую поискать среди знакомых радиолюбителей

или на свалке.

– Найди заодно и иглопистолет. Установи на треногу и пусть пуляет отравленными иглами по всем пробегающим мимо изолятам, – продолжал издеваться Тирес.

– Я, между прочим, о тебе забочусь, – обиделся Иван. – Кто вчера ныл, что устал бегать по лестницам?

– Ладно, не горячись, – Тирес снова стал серьезным. – Если на практике все будет так же, как ты мне тут начертил, а я хочу присутствовать на испытаниях, то я в деле. Пора взыскать старый долг, – и он показал глазами на свою беспалую ступню.

В военном училище все курсанты получали две профессии: военную, необходимую для службы на корабле, и гражданскую, которая становилась их основным занятием после завершения срочной службы или списании на берег в связи с ранением. Тирес выучился на механика дизельных двигателей и нефтяного оборудования. Иван, с детства не расстающийся с паяльником, был распределен в наводчики ракетного вооружения и дополнительно стал инженером-наладчиком электронных систем. Парень состоял в кружке радиолюбителей и вместе с группой таких же молодых энтузиастов на общественных основах занимался ремонтом городских энергосетей. Благодаря этому у него был свободный доступ на различные производственные предприятия и возможность брать для своих нужд некоторые расходные материалы.

Вернувшись в тот день домой, он составил список необходимых деталей и начал объезжать места, где их можно было достать. Как и предсказывал Тирес, найти удалось все, кроме датчиков движения. Знакомые кладовщики и товарищи по кружку в ответ на его вопрос только качали головой. Но Иван не отчаивался. Главное начать, а там что-нибудь придумаем.

Он так увлекся своей идеей, что совсем забыл про Яну. Девушка сама позвонила вечером, чтобы уточнить о его планах на остаток выходного. Ивану очень захотелось пригласить подругу в гости, но тогда работа над устройством остановится. Испытывая острое чувство стыда, Иван, как смог, объяснил девушке, что так сильно увлекся помощью своему другу, что выходной пролетел совсем незаметно, и, прощаясь, пообещал как можно скорее закончить все дела и компенсировать нехватку внимания. Поступок, конечно, подлый, и парень уже начал жалеть, что так повел себя с любимой, но тут перед глазами возник образ увиденного вчера плачущего сироты и он решительно потянулся к паяльнику.

На следующий день он поехал на заводскую свалку. Огромная территория за промзоной была засыпана ржавым деформированным железом. С тех пор как большая часть автоматических линий производства была выведена изолятами из строя, изношенные узлы и агрегаты не выбрасывались, а складировались в надежде на то, что их еще можно будет со временем починить или использовать в других целях. В

отдельном ангаре собирался высокотехнологический электронный хлам. Иван часто находил там интересные штуковины, свидетельствующие о былых годах технического прогресса. Вот и сейчас он надеялся разыскать там неработающие датчики движения, которые еще можно починить. Но как велико было его удивление, когда смотритель свалки отказал ему в доступе в ангар, сославшись на недавний приказ – по которому доступ к технологическим артефактам получали только те, кто работал над правительственными заказами.

Похоже, это был тупик. Придется использовать тяжелую артиллерию. Иван попросил разрешения воспользоваться телефоном и набрал номер бабушки. Старый инженер внимательно выслушал просьбу внука включить его в состав исполнителей правительственного заказа, долго расспрашивал о причинах такого решения и в конце разговора пообещал помочь. Остаток понедельника Иван продолжил собирать устройство. До глубокой ночи он паял и тестировал цепи «Оружия возмездия». Потом, не раздеваясь, упал на кровать и провалился в тяжелый сон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.